

Союзе и независимых государств, возникших после его распада / Под ред. Г. Чёрнера, Г.-Х. Дитриха, Г. Штриккера. Х.: Майдан, 1998. 488 с.

5. Єленський В.Є. Релігія після комунізму. Релігійно-соціальні зміни в процесі трансформації центрально- і східноєвропейських суспільств: фокус на Україні. К.: НПУ імені М.П.Драгоманова, 2002. 419 с.
6. Ильиных Н.И. О современном меннонитстве. М., 1968. 343 с.
7. Ипатов А.Н. Меннониты. М.: Мысль, 1978. 213 с.
8. Карнацевич В.Л. 50 знаменитых сект. Х.: Фолио, 2004. 509 с.
9. Клибанов А.И. Из мира религиозного сектантства. М., 1974. 217 с.
10. Клибанов А.И. Религиозное сектантство и современность. 1969. 312 с.
11. Любащенко В.І. Історія протестантизму в Україні: Курс лекцій. Львів: Видавнича Спілька "Просвіта", 1995. 350 с.
12. Митрохин Л.Н. Баптизм: история и современность. СПб.: РХГИ, 1997. 408 с.

* * *

Шевкун Павел Викторович,

кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Витебского государственного медицинского университета (Витебск, Беларусь)

**Политико-идеологический дискурс
межконфессиональных отношений на территории
Северо-Западного края Российской империи.
1825–1881 гг.**

XIX в. в истории Восточной Европы является временем, когда процессы социальной трансформации вышли на политический уровень. Модернизация затронула и такой ключевой элемент общества, как церковь. Религиозные системы традиционного общества – это структуры, которые отвечали за предоставление информации о социальном единстве. Благодаря им отдельные люди, общины воспринимали себя частью общества, понимали принципы взаимодействия, могли выдвигать справедливые требования к действиям других лиц, а власти добиваться легитимности своих решений. Поэтому общества средневековья – это монорелигиозные объединения. Не по факту того, что не было иных конфессий, а по факту принадлежности абсолютного большинства населения, аристократии и правящей династии. Соответственно и межконфессиональные контакты в таких традиционных обществах были сведены к минимуму, поддерживаясь фактом совместного

проживания и необходимостью минимального экономического взаимодействия.

Вместе с тем, с усложнением социальных отношений, что проявлялось в размывании сословно-корпоративных границ, росте экономических, политических контактов, ускорением процессов обмена информацией и увеличения её объёма, возросла и потребность в информации о жизни общества. Тех данных, которые транслировала церковь, было не достаточно для адекватного восприятия социальных процессов, всё более основывавшихся на конкуренции и рационализации связей. Постепенно шёл процесс формирования нового представления о социальном единстве, в форме современной нации, где взаимодействие основано на выстраивании индивидуальных парадигм, а не коллективных форм воспроизводства традиции. Соответственно и система межконфессиональных отношений претерпевает трансформацию.

Концептуальное политическое видение этих процессов не могло не затронуть его основных участников: духовенство и аристократию. Осмысление происходящих перемен, в виде идеологических доктрин, было необходимо для формирования долгосрочных стратегий поведения, определявших реакцию этих ключевых социальных групп на вызовы времени. Нужна была активистская позиция, которая позволила бы подкорректировать, дополнить консерватизм церкви, то есть нужна была политическая идеология или скорее её протовариант как способ актуализации традиционных институтов. Поскольку именно церковь формировала целостное видение общества, была ответственна за реакцию на происходящие перемены.

Формирование такой идеологии, как и изменение подходов к регулированию межконфессиональных отношений приходится на правление российских императоров Николая I и Александра II. Национально-модерный взгляд на социум подразумевает, что осуществляется взаимодействие и участие в самоорганизации данной общности всех её членов. В рамках традиционного, такая роль принадлежала только аристократии, а представления об обществе формировались церковью. В силу этого и первоначальный процесс становления современной общности проходил в религиозных границах, которые были видимы и понятны аристократии, при этом, не умаляя её монополии на власть.

На концептуальном уровне была выработана синкретичная смесь национальной идеи и традиционных основ религиозно-монархического общества в виде идеологической доктрины «официальной народности». Её формулировка принадлежит гр. С.Ф.Уварову, который в 1833 г., вступив в должность министра народного просвещения, писал: «Общая наша обязанность состоит в

том, чтобы народное образование, согласно с Высочайшим намерением Августейшего Монарха, совершалось в соединенном духе Православия, Самодержавия и народности» [1, с.366]. Ключевым критерием их истинности становилась историческая мифология, восходящая к началу XVII в. Пьеса «Жизнь за царя», государственный гимн, монументальное искусство (например, памятники Минину и Пожарскому 1818 и 1828 гг., Ивану Сусанину 1838 г.), элементы древних русско-византийские традиций в церковной архитектуре, символизировали консервативно-эгалитарстские черты идеологии. Как отмечал Р. Уортман: «целью николаевских демонстраций национального духа было не сближение самодержавной дворянской элиты с управляемым народом, а сохранение дистанции между ними, изображение подчинения как духовного свойства нации» [2, с. 524].

Однако, данный исторический нарратив, удобный в собственно русских землях не мог быть применён к западным окраинам, прошлое которых не знало самодержавия. В силу этого в среде православной интеллигенции появилась концепция западнорусизма. Она стала одновременно и способом адаптации идеологии «официальной народности» к особенностям региона и оригинальным интеллектуальным ответом на национальный вызов. Наибольший вклад в её разработку внёс М.О.Коялович. Его творчество оформило историческую мифологию западнорусизма, в которой ключевые события также приходились на конец XVI – начало XVII вв. Народная борьба за православие во главе с представителями духовенства против насаждаемой унии, предательство аристократии, удачно вписывались в политическую конъюнктуру времени. Впрочем, для прямолинейной и не слишком интеллектуально утончённой российской власти в регионе эти построения были далеко не во всём удобны. В отличие от теории официальной народности с её антилиберальным духом западнорусизм отличался антикатоличеством и антипольскостью с выразительным эгалитарным уклоном. Ведь для выживания западноруссов аристократия оказалась фактически излишней. Собственно российская монархия выступала лишь исторической силой, способствующей развитию православия и народа, а не некой абсолютной ценностью, как в теории официальной народности. Поэтому доктрина западнорусизма, политически востребованная в 1860-х гг., затем существовала в качестве не более чем удобного властям интеллектуального проекта.

Идеологические концепции, господствовавшие в умах политической элиты, непосредственно влияли на систему межконфессиональных отношений в регионе. В правление Николая I государство, рассматривая православную церковь как

важнейшее средство модернизации, сконцентрировало своё внимание на деятельности по максимальному расширению православия на белорусско-литовских землях. Утрата на концептуальном уровне аристократией своей уникальной роли политического сословия и использование духовенства как фактора интенсификации коммуникации, существенно обострили проблему межконфессиональных отношений. Восстание 1830–1831 гг. на территориях бывшей Речи Посполитой продемонстрировало, что существующее социальное единство в регионе исключает в нём присутствие российских властей и является потенциально опасным. В результате был взят курс на разрушение прежних представлений о социальном единстве через переформатирование межконфессиональных отношений, с целью установления численного доминирования православия. Достигнуть это можно было лишь усилив давление на самое массовое вероисповедание региона – католичество, представленное двумя направлениями: римо-католичеством и греко-католичеством (униатством).

В начале 1830-х гг. приняли дополнительные указы по защите православия [3]. 30 апреля 1833 г. была учреждена Полоцкая епархия в составе Виленской, Витебской и Курляндской губерний. Имперские власти в лице генерал-губернатора Н.Н.Хованского, Витебского военного губернатора Н.И.Шрёдера по указаниям центральных властей обязаны были оказать государственную поддержку православной миссии в отношении униатов, защитить позиции православной церкви. В результате общих усилий духовных и светских властей в 1833–1835 гг. в Полоцкой епархии было присоединено к православию около 79 тысяч униатов, в Минской и Могилёвской – около 17 и 21 тысячи соответственно [4].

Тем не менее, к 1836 г. стало понятно, что большинство приходов остаются верными унии. В высших кругах нашёл поддержку проект униатского епископа Иосифа (Семашко) о централизованном вхождении паствы, во главе со своей иерархией, в состав православной церкви. Реализация этого проекта завершилась в 1839–1840 гг., когда был оформлен переход униатской иерархии и прихожан в православие. Сложившаяся обстановка накалила общество, так как были нарушены представления о его единстве. С этого времени границы православного и католического видения социума были достаточно резко очерчены, и, будучи неполноценными, ибо не могли представлять всё общество, оказались идеологически зависимы от польских и российских проектов.

Вектор межконфессиональных отношений, заданный Николаем I и направленный на безоговорочную поддержку государством православной церкви (а ведь государство является

институциональным выражением социального единства), наряду с большим контролем над другими религиозными объединениями был продолжен в правление Александра II. Это происходило на фоне существенных перемен в обществе. Развитие новых средств и видов коммуникации: железные дороги, телеграф, СМИ; отмена крепостного права и реформы самоуправления актуализировали, как никогда ранее, проблему социального единства. Расширение и интенсификация коммуникации шли в рамках традиционного конфессионально очерченного социального пространства. Складывалась иллюзия, что формирование современной социальной общности может быть вписано в конфессиональные рамки. Концепция церкви-нации, выраженная доктриной православие-самодержавие-народность, нашла своё наиболее полное воплощение.

Взгляд на конфессионально очерченное социальное пространство, как на пространство, в рамках которого идёт допустимое и желательное социальное развитие, вновь обострил проблему межконфессиональных отношений. Перед государством возникла по новому обоснованной потребность расширения численности верующих, поскольку в их представлениях остальные выпадали из современного пространства. Кроме того, обострилась проблема формирования лояльной общности. Прежних взаимовыгодных отношений с католической аристократией было недостаточно, что и показало очередное восстание на землях бывшей Речи Посполитой в 1863–1864 гг., представленное, как польско-русское и, соответственно, католическо-православное противостояние. Поэтому церковно-государственные мероприятия носили двойной характер: перевод католиков в православие и закрытие храмов, действия по материальному укреплению православной церкви.

Наиболее активная миссионерская фаза длилась с 1864 по 1868 гг. В это время перешло из католицизма в православие около 80 тыс. человек [5, с. 72]. Одновременно проводились мероприятия по закрытию костёлов, каплиц и обращению многих из них в православные церкви. В частности, в мае 1865 г. генерал-губернатор К.П. Кауфман приказал 14 римско-католических каплиц и Хойникский костёл в Речицком и Пинском уездах передать православным, поскольку они «построены для весьма незначительного числа католиков» [6]. Государство в лице губернаторов брало на себя обязательства по контролю над соблюдением обрядности в новоправославных приходах. Инициаторами создания новых православных приходов зачастую также выступали гражданские власти. То есть государство

бесконфликтно воспринимало себя именно как выразителем определённой конфессиональной общности.

Если администрация способствовала расширению и укреплению конфессиональных границ, то у православной церкви важнейшим средством в этом считалось просвещение. Слуцкий благочинный отмечал, что для предотвращения переходов «старались обучить народ первым началам веры православной и внушить ему необходимость и душевную пользу от своевременного исполнения христианского долга исповеди, причастия и святого таинства» [7]. Как и ранее, усилившееся межконфессиональное противостояние, не стабильное положение в новообращённых приходах, вынудили правительство свернуть в 1870-х гг. государственное давление. С этого времени эволюция меконфессиональных отношений вступает в свою заключительную фазу, в рамках которой наблюдался отказ правительства от взгляда на церковь, как на форму национального единства.

Таким образом, начиная со второй четверти XIX ст. политическая элита империи Романовых была покорена национальной идеей, воспринимаемой ею через призму традиционалистских категорий: аристократической государственности и церкви. Выразилось это в рамках концепции «официальной народности». Эта доктрина оформила взгляд на православное духовенство, как средство допустимой модернизации общества посредством просвещения. Вместе с этим утвердился взгляд на церковь, как на форму национальной общности. Такой подход сказался во взгляде государства на конфессиональные отношения в регионе. В 1830-х гг. на фоне восстания в бывших землях Речи Посполитой усилилось давление на католичество. С целью превращения православия в социально образующую структуру региона были инициированы действия по более чёткому размежеванию православного и не православного населения, а также перевода униатов в православие. В результате существенно обострились межконфессиональные отношения. Достигнув численного доминирования православия в регионе, дальнейшие действия властей были ориентированы на стабилизацию ситуации в новоправославных приходах и установление на новом уровне мирного сосуществования общин.

Правление Александра II ознаменовались выходом модернизационных процессов в российском обществе на институциональный уровень. Вместе с тем, восстание 1863–1864 гг. показало неэффективность компромисса с католической аристократией империи. Взгляд на нацию как на конфессионально ограниченное сообщество актуализировал проблему межконфессиональных отношений в регионе. Вновь возник

социальный запрос на численный рост православия. Это привело к обострению межконфессиональных отношений: попыткам перевода католиков в православие, закрытию католических храмов. В этот процесс активно включилась и православная интеллигенция Северо-Западного края. Её участие было концептуально оформлено в виде доктрины западнорусизма. Однако возросшее сопротивление католической общины и противостояние в новоправославных приходах вынудили правительство вернуться к поддержанию конфессионального мира в регионе. Проект церкви-нации не удовлетворял возросших потребностей в коммуникации. Дальнейший этап формирования современных наций подразумевал перевод межконфессиональных отношений в разряд индивидуально определяемых и отказ государства от прямого покровительства православной церкви.

Список использованных источников

1. Зорин А.А. Кормя двуглавого орла. Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX в. М.: Новое лит. обозрение, 2001. 415 с.
2. Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т.1: От Петра Великого до смерти Николая I. М.: ОГИ, 2002. 570 с.
3. ПСЗРИ: собр. 2-е с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.: в 55 т. СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830–1884. Т. VII, 1833. С. 140; ПСЗРИ: собр. 2-е с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.: в 55 т. СПб.: Тип. Втор. отд. Соб. Е. И. В. канц., 1830–1884. Т. VII, 1833. С. 201.
4. Национальный исторический архив Беларуси в г. Минске (НИАБ). Фонд 136. Оп. 1. Д. 11370. Л. 3 об.
5. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст.) / пад. рэд. У.І.Навіцкага. Мінск: Экаперспектыва, 1998. 340 с.
6. НИАБ. Фонд 136. Оп. 1. Д. 12848. Л. 1, 1 об.
7. НИАБ. Фонд 136. Оп. 1. Д. 28917. Л. 3.

* * *